

Валентин ЕРШОВ,
ректор Российского
государственного
университета
правосудия (Москва)

ИНТЕГРАЦИЯ ПРАВА И ЕЕ КОЛЛИЗИИ

Сущность процессов взаимного сближения национального права Беларуси и России наиболее точно отражает термин “интеграция”

В мировой практике преобладают три типа правопонимания. Прежде всего юридический позитивизм, в рамках которого мы все выросли. В соответствии с ним все право сводится к законодательству, закону и судебным прецедентам. Далее — синтезированное правопонимание, когда право искусственно размыкается и интегрируется с иными социальными внеправовыми регуляторами: нормами морали, справедливости, религиозными нормами и стандартами. Так возникает нестабильная и противоречивая судебная практика, потому что нормы морали вообще лабильны. Это тоже порождает массу проблем, а в итоге ведет к ущемлению прав граждан. Третье правопонимание — это интегративное, когда национальное и международное право интегрируются.

Я сторонник такого типа правопонимания, так как уверен, что за ним будущее и в наших странах, и во всем мире. Анализ Конституций России и Беларуси показывает, что наши государства (с точки зрения типов правопонимания) находятся на переходном этапе: от юридического позитивизма к интегративному правопониманию. Свидетельство того, например, часть первая статьи 8 Конституции Республики Беларусь, которая признает приоритет общепризнанных принципов международного права и обеспечивает соответствие им законодательства. Или часть четвертая статьи 15 Конституции Российской Федерации, постулирующая, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Феде-

рации являются составной частью ее правовой системы. Есть и другие подобные примеры, а это не что иное, как явные симптомы интегративного правопонимания.

Исходя из этого полагаю, что термин “гармонизация” с неопределенной юридической природой стоит заменить на термин “интеграция”. Некоторые выступавшие задавали вопрос: “Сохранится ли суверенитет государств при дальнейшей унификации национальных правовых систем?” При этом некоторые докладчики часто сбивались с “унификации” на “гармонизацию”. На мой взгляд, более корректный термин — “интеграция права”. Причем степень интеграции может быть различной: настолько, насколько к этому готовы наши лидеры и органы власти, и, конечно, суверенитету она никак не угрожает.

Термин “интеграция” более точно отражает сущность процессов взаимного сближения национального права Беларуси и России. В статье первой Закона Республики Беларусь “О нормативно-правовых актах” написано, что в случае аналогии права применяются в том числе общие принципы права и принципы конкретных отраслей права.

В российской Конституции используется термин “общепризнанные принципы права”. Но более точный термин, который применяется в международном трудовом праве, — “основополагающие принципы”. В России обсуждается Закон “О нормативно-правовых актах”, но сегодня, на мой взгляд, этого закона мало, и для Беларуси тоже, поскольку, очевидно, имеются и другие формы национального права. К сло-

ву, нам нужно определиться не только по формам права, но и по источникам. Есть в теории и другие дискуссионные проблемы, которые при этом тесно связаны с практикой.

К примеру, нам нужно точно выстроить иерархию форм национального права: НПА, нормативно-правовые договоры, обычаи, а далее индивидуальные регуляторы (гражданские договоры, судебные акты и т. д.). Но ключевая проблема — это принципы права. Часто звучит, что принцип права — это идея. Но если это идея, то суд ей пользоваться не может. Другая позиция, что принцип — норма права. Это тоже спорная позиция, и нужно точно разобраться с правовой природой принципов. Также нужно понимать соотношение между собой форм международного права и форм национального права. Мир стал другим, более сложным, и мы не можем закрывать на это глаза.

На мой взгляд, в Союзном государстве нужно разработать и принять целый ряд законов, например, “О формах международного и национального права в Союзном государстве”. Еще одна важнейшая проблема в Союзном государстве — это конкретизация права. Я убежден, что правоприменительный орган не занимается конкретизацией права. Конкретизацией могут заниматься только уполномоченные правотворческие органы, которые на основе права вырабатывают другие формы права. Нужно также разграничивать понятия — “конкретизация права” и “толкование права”, потому что многие, в том числе и некоторые научные работники, их смешивают. Толко-

вание права — это факт правоприменительный и им занимается любой суд.

Принципиально важный вопрос — преодоление коллизий в праве, весьма значим он и для Союзного государства. В этой теме, к сожалению, много вопросов и мало ответов. Таким образом, чтобы суд, например, принимал правовое решение, нужно определиться, что такое право (уверен, что точного ответа пока и в мире нет), определить формы права — международного и национального, их соотношение между собой, кто занимается конкретизацией права, кто толкованием, определить виды коллизий, определить, что и в каком случае имеет приоритет. Иначе возникает много сложностей. Простой пример: в России масса кодексов, и в одних написано, что кодекс имеет приоритет над другими федеральными законами, а в других об этом ничего не написано. Возникает вопрос: что имеет приоритет? Выход один — придавать кодексам силу федерального конституционного закона, тогда будет очевидно, что это будет иерархическая коллизия. Отсутствие этого порождает различную судебную практику, а это уже очень серьезно.

Таким образом, нам предстоит огромная работа, поскольку очевидно, что многие вопросы мы уже объективно не можем решить на уровне одного государства: интеграция на постсоветском пространстве (в Европе и мире тоже) — и экономическая, и политическая, расширяется и углубляется, а значит, расширяться и углубляться должна и правовая интеграция.

Нам предстоит огромная работа, поскольку очевидно, что многие вопросы мы уже объективно не можем решить на уровне одного государства: интеграция на постсоветском пространстве (в Европе и мире тоже) — и экономическая, и политическая, расширяется и углубляется, а значит, расширяться и углубляться должна и правовая интеграция

МНЕНИЕ

Игорь ЛЕВАКИН, профессор кафедры конституционного права юридического факультета имени М.М. Сперанского Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации:

— В процессе интеграции предстоит выработать правовые механизмы противодействия коррупции, которая способна поразить любые формы общественной жизни. Эти преступления носят национальный, региональный и глобальный характер.

Коррупция — явление комплексное и ее предупреждение — вопрос правоприменительной практики. Важную роль в решении этой проблемы играет “мягкое” право, которое предполагает использование и Конвенции ООН против коррупции, и законы, принятые Межпарламентской Ассамблеей государств — участников СНГ по противодействию коррупции. Они позволяют использовать национальное право исходя из принципов, заложенных в этих документах. Например, международные нормы и нормы национальных законодательств предусматривают уголовную ответственность юридических лиц. Однако для российской правовой системы она не характерна, так как там используются свои механизмы.

Тенденции правовой системы в Беларуси и Казахстане могут быть полезны России. Согласно модельному закону Содружества коррупция — это неправомерное использование возможностей для получения материальных и иных (!) благ. В белорусском законодательстве на этом тоже сделан акцент. В России же закон ограничивает понятие коррупции только получением денег, ценностей, хотя за ней могут стоять всякого рода протекции, устройства на работу и т. д. То есть не только имущественная выгода.

Что касается органов противодействия коррупции, согласно модельному закону СНГ к ним относятся суд, органы прокуратуры, безопасности, внутренних дел и иные правоохранительные органы, уполномоченные законодательством государства на осуществление оперативно-разыскных мероприятий, производства дознания, предварительного досудебного следствия. В Беларуси эту работу осуществляют органы прокуратуры, внутренних дел и органов госбезопасности. В России, в свою очередь, субъекты антикоррупционной деятельности рассматриваются слишком широко. Тем самым идет “перегружение” закона, что ведет к их неэффективной работе.

